УДК: 343 DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-6-126-139

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ

Сальников Е.В., Соколов В.В.[1]

Аннотация. *Цель статьи* – оценка процесса формирования политико-правовых механизмов противодействия экстремизму. На основе использования историко-компаративистского подхода авторы исходят из идеи о том, что история становления юридической ответственности за экстремизм позволяет не только выделить наиболее эффективные формы и методы противодействия данному виду противоправной активности, но и эксплицировать сущностные характеристики данного феномена, необходимость борьбы с которыми отмечается на всех этапах истории, а также глубже понять природу самого экстремизма.

В статье проанализирована история российского законодательства с конца XV века и до начала XXI века.

Предмет исследования – историко-политические практики возникновения и эволюции правовой категории «экстремизма», их изменения в контексте развития российской государственности

В результате исследования авторы формулируют положение о том, что по своей родовой характеристике экстремизм как политико-правовой феномен является особой разновидностью политической преступности, охватывающей группу преступлений против государственной власти. Отличительным признаком данной группы является направленность экстремизма против идеологических основ системы легитимации государственной власти.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, история права, артикул воинский, соборное уложение, уложение о наказаниях уголовных и исполнительных, советское законодательство.

Сальников Евгений Вячеславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, теологии и международных отношений Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 302028, г. Орёл, б. Победы, д. 5а, e-mail: kafedraorel@mail.ru

Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, теологии и международных отношений Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 302028, г. Орёл, б. Победы, д. 5а, e-mail: historiki-osu@mail.ru

EXTREMIST CRIMES: POLITICAL AND LEGAL CONTEXT

SALNIKOV E. V. – Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Professor of the Department of History, Theology and International Relations, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: kafedraorel@mail.ru

SOKOLOV V. V. – Candidate of Historical Sciences, Docent of the Department of History, Theology and International Relations, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: historiki-osu@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to assess the formation of political and legal mechanisms to counter extremism. Based on using the historical-comparative approach, the authors proceed from the idea that history of establishment of legal responsibility for extremism allows not only to identify the most effective forms and methods of countering this type of illegal activity, but also to explicate the essential characteristics of this phenomenon, the need to combat which is noted on all stages of history, as well as deeper understanding of extremism nature itself. The article analyzes the history of Russian legislation from the end of the 15th century to the beginning of the 21st century.

The subject of the research is the historical and political practices of the emergence and evolution of the legal category of “extremism”, their changes in the context of the development of Russian statehood.

As a result of the study, the authors formulate a provision that, by its generic characteristics, extremism as a political and legal phenomenon is a special kind of political crime, covering a group of crimes against state power. A distinctive feature of this group is the orientation of extremism against the ideological foundations of the system of legitimization of state power.

***Keywords*:** extremism, counteraction to extremism, history of law, military article, cathedral code, code of criminal and executive punishments, soviet legislation.

Истории возникновения и развития экстремистских и террористических практик уделяется достаточно большое внимание в современном отечественном научном сообществе. Специалисты разных отраслей науки обращаются к изучению как особенностей существования и деятельности, так и формам и методам противодействия данной разновидности противоправных действий[1]. Интерес к

[1] Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2017. – Т.2. –

истории экстремизма и терроризма отмечается и в западной политической, исторической и юридической науках [1]. Однако при этом основное внимание уделялось вопросам становления самого экстремизма, нежели эволюции его правового регламентирования. В этой связи представляется вполне обоснованной гипотеза о том, что анализ развития правовых механизмов борьбы с экстремизмом позволит выделить сущностные характеристики наиболее эффективных форм противодействия ему, а также более точно установить черты самого экстремизма как юридического феномена.

Возникновение правовой категории экстремизма явилось одним из существенных этапов обновления отечественной правовой системы перед лицом вызовов современной цивилизации. Юридическая категория «экстремизм» [2] возникает в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» [3] от 25.07.2002 г. Уникальность этого нормативно-правового акта определялась тем, что в нём впервые была предпринята попытка дать юридическую дефиницию понятия «экстремизм». До этого ни в отечественной, ни в зарубежных правовых системах в юридическом смысле категории «экстремизм» не существовало.

Последнее, однако, отнюдь не означает, что правовая регламентация деяний, охватываемых категорией экстремизма, отсутствовала. Более того, представляется, что рассмотрение исторических особенностей юридической регламентации исторических деяний способно существенно расширить понимание

№ 3. – С. 4 – 12; Пестрецов М.А., Ховавко С.М. История и причины возникновения экстремизма в России // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 9 (112). – С. 305–307; Фуртат В.В. История экстремизма и ее отражение в понятийном аппарате // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 3. – С. 99 – 104; Синцов Г.В., Первушкин А.В. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 25 – 29; Ахметова Л.С., Веревкин А.В., Лифанова Т.Ю. Терроризм и экстремизм: история, теория и практика вопроса // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 12. – С. 94-95 и др.

[1] Backes U. Politische Extremismen – Begriffshistorische und Begriffssystematische Grundlagen // Gefährdungen der Freiheit. Extremistische Ideologien im Vergleich. – Göttingen, 2006; Betz H.–G. Radical Right-Wing Populism in Western Europe. – Balingstoke, 1994; Ermert M. Der Extremismus im Strafrecht. Eine Begriffskritische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und Verfassungsrechtlicher Grundlage. – Herbolzheim, 2007; Merari A. Academic Research and Government Policy on Terrorism // Terrorism and Public Policy. – L., 1991; Haydarzoda M.P. History of the extremism and its general legal concept // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2017. – № 1 (33). – С. 132 – 134 и др.

[2] Дефиниция экстремизма, данная в рамках Шанхайской конвенции, не может считаться показательной, ибо она, во-первых, была создана исключительно для нужд данного соглашения (см. ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с экстремизмом, терроризмом и сепаратизмом // Московский журнал международного права. – 2001. – № 4), а, во-вторых, конвенция была ратифицирована Государственной Думой РФ уже после принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

[3] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 114–ФЗ от 25.07.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 30. – 2002. – Ст. 3031.

феномена экстремизма.

Следует признать, что подавляющее большинство тех проявлений противоправной деятельности, которые собраны сегодня под категорией экстремизма, уже были так или иначе представлены в нормативно-правовых документах в истории отечественного права. Исторически первое правовое закрепление экстремистского деяния в рамках отечественной правовой традиции мы встречаем в Судебнике Ивана III (1497 г.), где в п. 9 говорится: «А государскому убойце и коромольнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигальнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью»[1].

Если в Псковской Судной грамоте обнаруживается только категория «переветник», т.е. изменник, перебежчик, а параметры и характеристики её не разъясняются, то здесь впервые в российском законодательстве появляется категория «подымщик» для обозначения лица, осуществлявшего публичные призывы к изменению существующего политического строя, поднимавшего население на неповиновение властям, и «коромольника», т.е. заговорщика. Примечательно, что последняя категория этимологически образуется от «крамола», и в этом плане коромольник не просто заговорщик. В нём со всей очевидностью подразумевалась характеристика изречения крамолы, произнесения крамольных речей, т.е. определённого рода призывов к мятежу, массовым беспорядкам, речи об умалении достоинства власти, отказе от почитания и признания её. В определённом смысле подходящим под категорию экстремизма следует признать и «государского убойцу».

Примечательно то, что все эти преступления относятся к числу самых опасных и влекут смертную казнь. Однако их единство определяется пока только мерой суровости наказания. Это единство более чем призрачно, т.к. простирается на гораздо более широкий круг явлений.

В значительной мере более подробно и пространно деяния, охватываемые сегодня категорией экстремизм, рассматриваются в Соборном Уложении 1649 г.[2], где они сведены в целую главу «О государьской чести, и как его государское достоинство оберегать», состоящей из 22 глав. Характер построения регламентации экстремистских преступлений в данном судебнике несёт отражение сословного деления общества. Так, для благородного сословия наличествует возможность заговора с целью смены правящего государя и захвата власти. В этом случае следовало карать смертной казнью всех тех, кто поднимал мятеж против власти государя, создавая для этого вооружённые формирования или обращаясь за помощью к иностранным державам. Смертная казнь следовала также и в том случае, если человек знал о готовящихся преступлениях и не донёс

[1] Российское законодательство X-XX веков. В 9 тт. – Т. 2. – М., 1985.

[2] Российское законодательство X-XX веков. В 9 тт. – Т. 3. – М., 1985.

о них.

Вообще Соборное Уложение 1649 г. очень дотошно рассматривает ситуации, касающиеся наказания родных и близких мятежников, а также вопросы доносительства и ложного доноса. Закрепляется и сама форма оповещения о государственном преступлении: «Государево слово и дело».

Что же касается подвластного сословия, то очевидно, что законодатель не усматривает за ним даже возможности утверждения в качестве государственной власти, что, впрочем, не исключает саму возможность их мятежа и заговора с целью изменения государственного строя. Предполагается по умолчанию лишь то, что подобное изменение должно привести к замещению фигуры правящего государя другим представителем знати, реальным или самозванцем. Участие в таком восстании также каралось смертью. При этом уравнивались такие деяния как заговор, незаконное собрание, грабежи и побои, направленные против государственной власти и её официальных представителей. «А кто учнёт к царскому величеству, или на его государевых бояр, и ополничих, и думных, и ближних людей, и в городах и в полках на воевод, и на приказных людей, или на кого нибуди приходити скопом и заговором, и учнут того грабити или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякой пощады» (ст. 21).

Особо следует отметить, что в судебнике 1649 г. впервые подобные преступления считаются совершёнными с момента возникновения умысла, т.е. со стадии подготовки к совершению преступления. Этим подчеркивается, что в преступлениях подобного рода преступный умысел столь же опасен, как и само совершённое деяние. Статья 1 гласит: «Будет кто каким умышлением учнёт мыслить...».

Правовую регламентацию получают также действия тех лиц, которые публично высказывали крамольные идеи, приводящие к неповиновению, принижающие авторитет государственной власти и вносящие смуту в сознание населения. «А будет учнут извещать про государьское здоровье или какое изменное дело...» (ст. 13). Правда, наказание за такое деяние следовало уже менее серьёзное – жестокое избиение кнутом и запрет дальнейшего распространения подобных идей, перевод в категорию людей, потерявших доверие. «И учиня им жестокое наказание, бив кнутом нещадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне. А опричь тех великих дел ни в каких делах таким изветчикам не верить» (ст. 13).

Свое раскрытие получают и экстремистские параметры категории «зажигальник». Еще в Псковской Судной грамоте мы встречаем зажигальника, т.е. лица, совершившего поджог города, но только Соборное Уложение 1649 г., помещая данное преступление в раздел преступлений против государства (а не общественной безопасности, что очень важно), отчётливо трактует зажигальника как лица, совершающего акт диверсии или терроризма. Во времена Соборного

Уложения эти два деяния не различались, акцентуация на разнице в целях отсутствовала. Для законодателя той эпохи было очевидно, что поджог будет иметь значительный имущественный ущерб, признавался момент мародёрства во время пожаров, осознавалось, что поджог приведёт к распространению панических настроений в среде населения, но представляет он собой измену, направлен против государственной власти и совершается для того, чтобы, наряду с ослаблением безопасности государства, вызвать неповиновение в массах и подобными волнениями принудить государственную власть к принятию тех или иных решений. Никаких иллюзий власть в этом отношении не питала и наказание вводила очень серьёзное – сожжение виновного. «А будет кто умышлением или изменою город зажжёт или дворы, и в то время или после того зажигальник изыман будет, и сыщется про то его воровство допряма, и его самого сжечь безо всякого милосердия» (ст. 4).

Если оценивать регламентацию экстремистских деяний в Соборном Уложении 1649 г., то следует признать их важнейшей чертой то, что все деяния подобного рода признаны законодателем преступлениями против власти. Однако ими преступления против государственной власти не исчерпываются.

Артикул воинский Петра I[1] размещает экстремистские преступления по разным главам, отказывая им в общем характере. Так, в третьей главе правовую регламентацию получают действия, направленные на насильственную смену существующего государственного строя, посягательства на жизнь государственного деятеля – государя, вооружённый мятеж, публичные призывы к свержению государственной власти и возбуждение ненависти по отношению к государственной власти. При этом особо уточняется, что преступления подобного рода считаются совершёнными ещё на стадии приготовления к совершению преступления. Равным же преступлением признавалось и недонесение о подобного рода преступлении. Важно и то, что законодатель устанавливает равную меру ответственности за практически любые формы участия в подобного рода преступлениях: формирование замысла, планирование, подготовка, сами действия, совет, соучастие. За все эти преступления предполагалась высшая мера наказания – смертная казнь через четвертование и отсечение головы.

В особую шестнадцатую главу выносится измена, рассматриваются различные её формы. Стоит заметить при этом, что измена здесь трактуется как сговор с иностранным государством, предательство родины в пользу неприятеля. Если Соборное Уложение не различало виды мятежа, то Воинский артикул уже ясно отделяет измену от мятежа. В такой своей трактовке измена уже не представляет собой разновидности экстремистского деяния, и показательно, что она по своему объекту перестает быть преступлением против государственной власти.

Сословным делением общества следует объяснить сведение в отдельную главу

[1] Российское законодательство X – XX веков. В 9 тт. – Т. 4. – М., 1985.

17 («О возмущении, бунте и драке») примерно тех же преступлений, что были упомянуты в главе третьей. В данном случае получает своё развитие логика, присутствовавшая еще в Соборном уложении 1649 г. Вооружённый мятеж, собрания для выражения неповиновения во всех их формах влекут строгое наказание – смертную казнь через повешенье. Не менее жесток закон и к должностным лицам, которые своими действиями или бездействием способствовали возникновению бунта. «А офицеров, которые к сему повод дали, или таким непристойным сходбищам позволили, или рядовых каким-нибудь образом к тому допустили, оных наказать лишением чести, имения и живота» (Артикул 134).

Стоит отметить, что в артикуле 135 говорится о правовом запрете на публичные призывы к изменению государственного строя, призывы к бунту и неповиновению, возбуждению ненависти по отношению к государственной власти. «Никто б ниже не словом, или делом, или письмами... к бунту и возмущению, или иное что учинять, причины не давал, из чего мог бы бунт произойти...»

Исходя из логики Артикула воинского, подобные действия следует отличать от создания «поносительных (ругательных) писем или пасквилей», как равным образом сегодня четко различаются призывы к экстремистской деятельности и оскорбление лица. Именно Артикул воинский юридически закрепляет объектную разницу между данными экстремистским и неэкстремистским деяниями. Причём разница ощущалась и в наказании за данные преступления. В первом случае законодатель был строг и непреклонен: «живота лишитца, или на теле наказан будет» (Артикул 135). В случае же пасквиля закон менее определён и рекомендует применить к клеветнику то наказание, которое следовало за проступок оклеветанному, но оговаривались и смягчающие обстоятельства для соучастников и, по умолчанию, отсутствие состава преступления в случае бездействия при получении пасквиля, в противоположность жесткой санкции за недонесение о подготовке к мятежу, в том числе об обнаружении поносительных писем.

В общем и целом Артикул хотя и размещает экстремистские деяния в разных главах, но делает это в связи с сословным делением общества и спецификой политической системы, тогда как их единство сообразно объекту, наметившееся еще в Соборном уложении 1649 г. выражено по-прежнему достаточно ясно.

Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1862 г.[1] безусловно, конкретизирует и более скрупулёзно регламентирует преступления, подпадающие сегодня под параметры экстремизма. Большинство из них помещено в раздел IV «О преступлениях государственных».

Важное значение имеют в нём три правовых понятия:

1. заговор, который подразумевал, как видится, прежде всего династические изменения, был связан с заменой фигуры правящего монарха, при этом

[1] Российское законодательство X-XX веков. В 9 тт. – Т. 6. – М., 1985.

субъектами заговора являлись, конечно же, представители высшего сословия. При этом законодатель считает попытку изменения государственного строя свершённой с момента возникновения преступного сообщества для совершения данного деяния. Виновными считаются все участники, а также те, кто не донес о преступлении своевременно. В этой же первой главе определяется наказание (10-12 лет каторги) за публичное возбуждение неуважения и оскорбление государя и членов императорского дома;

2. бунт, который имел свой целью устранение самодержавной монархии вообще и замену её другим государственным устройством. Здесь посягалось уже на сам принцип государственного устройства, в котором государь представал лишь частным институтом. Это отчётливо видно в той формулировке бунта, которая дана законодателем: «За бунт против власти верховной, то есть восстание скопом и заговором против государя и государства, а равно и за умысел ниспровергнуть правительство во всём государстве или в некоторой оного части, или же переменить образ правления или установленный законами порядок наследования престола...» (ст. 235);

3. восстание. От бунта восстание отличается своими целями, а также субъектом. Законодатель по умолчанию соотносит восстание с действующими лицами, не принадлежащими к аристократическо-буржуазной верхушке общества, а представляющими собой крестьянство и рабочий люд. Это хорошо видно по той разнице в целях, которая отличает восстание от бунта. Так, восстание характеризуется намерением или воспрепятствовать обнародованию высочайших указов, манифестов, законов или других постановлений и объявлений правительства, или же не допустить исполнения указов или предписанных правительством распоряжений и мер, или принудить сим власти к чему-либо несогласному с их долгом (ст. 284). Восстанием считается также «всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев и управляющих и против волостных и общественных управлений» (ст. 288).

Подобный трёхчлен можно признать аналогичным по смыслу трём видам экстремистских действий: заговор – захвату и присвоению власти, бунт – насильственному изменению конституционных основ, восстание – массовым беспорядкам. Вполне естественно, что Уложение 1862 г. продолжает запрещать и пропаганду подобных действий. Отдельно вводятся наказания за публичные призывы к подобным действиям как печатного, так и устного характера, их создание, распространение и хранение. Закрепляется разница между печатными документами и устным словом, иначе говоря, между публичным действием с использованием средства массовой информации и частным оскорблением.

В отдельную главу (глава VI. О тайных обществах и запрещённых сходбищах) выделялись и подробно в ней рассматривались деяния, заключавшиеся в создании тайных обществ, политических партий, запрещённых собраний и тому подобного.

Причём законодатель устанавливает смертную казнь и объединяет в одной статье (ст. 347) создание обществ, «имеющих вредную для спокойствия и целостности государства, или противную установленным законами образу и порядку управления». Этим законодатель ещё раз утверждал, что сам сговор для совершения как бунта, так и восстания, и заговора является самостоятельным тяжким преступлением.

Стоит отметить, что уголовная ответственность за создание сообщества встречается ещё и в разделе VIII. О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния. В этом же разделе появляется и особая форма восстания – стачка, т.е. явное неповиновение фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, выразившееся в прекращении работы «прежде истечения условленного с содержателями сих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы».

Тем самым Уложение ясно фиксирует факт потенциальной принадлежности экстремистских деяний к двум объектам: преступления государственные и преступления против общественного устройства и благочиния. Подобное разделение следует признать крайне значимым шагом. Впервые экстремистские преступления оказались разнесены по различным разделам не по субъекту, а по объекту. Однако в дальнейшем законодатель Российской империи стал всё более склоняться к тому, что эти преступления по своему характеру суть в большей степени преступления государственные. Это доказывают изменения, вносимые в Уложение вплоть до 1905 г. В рассматриваемых вопросах большинство изменений касались только раздела государственных преступлений.

Так, редакция Уложения 1885 г. отличалась новыми составами государственных преступлений. Была, например, установлена ответственность за распространение сочинений, возбуждающих к восстанию против власти верховной среди войска. По сравнению с этим изменения, вносимые в раздел VIII, были менее значительными.

Из принятого в 1903 г. нового Уложения были введены в действие лишь отдельные статьи, почти все касающиеся категорий деяний экстремистского характера и все из раздела государственных преступлений: «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», «О государственной измене», «О смуте». Всё это усиливало ответственность за государственные преступления.

Советская эпоха ознаменовалась тем, что в первом советском Уголовном кодексе 1922 г.[1] встречается уже значительное количество деяний, экстремистских по своему характеру. Все они признаются преступлениями и все помещены в главу 1 Государственные преступления. Их юридическое закрепление усиливалось по мере развития советского права, что нашло своё закрепление в Уголовном кодексе

[1] Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. 2. (XX век)– М., 1999.

1960 г.[1].

Из числа значительных нововведений права советской эпохи следует отметить уголовную регламентацию террористической деятельности. Стоит отметить, что терроризм законодатель советской эпохи видел преступлением против государственной власти, которое, правда, подразумевало под собой убийство (или нанесение тяжких телесных повреждений) государственного деятеля или общественного деятеля, или представителя власти в связи с его государственной или общественной деятельностью с целью подрыва или ослабления Советской власти (ст. 66 УК РСФСР). Все действия, которые были направлены на ослабление государства (поджоги, взрывы и т.п.), хотя они могли повлечь массовые жертвы среди населения и использоваться для запугивание граждан, были объединены под категорией диверсии (ст. 68 УК РСФСР).

Своё специфичное развитие получает оформление уголовной ответственности за различные формы неповиновения власти. После трёх вышерассмотренных категорий имперской России – бунт, заговор и восстание – в первом советском Уголовном кодексе появляется новая категория – контрреволюционная деятельность, где уже нет бунта и заговора, но упоминаются восстания, массовые неповиновения и массовые беспорядки. К 1960 г. остаются только массовые беспорядки (ст. 79 УК РСФСР) и заговор, причём последняя категория в формулировке ст. 64 УК РСФСР получает очень широкий объём.

Советский законодатель продолжил общую для многовековой истории уголовных политических преступлений тенденцию считать преступления подобного рода наказуемыми с момента возникновения преступного сговора, осуществления первых организационных действий, отнеся к категории особо опасных государственных преступлений «Организационную деятельность, направленную к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участию в антисоветской организации» (ст. 72 УК РСФСР). Сохранялся и запрет на агитационную деятельность по вопросу неповиновению власти. Речь идёт о ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда». При этом стоит отметить, что сразу же после изменения идеологической составляющей в стране данная статья была изменена. В новом обличии она называлась «Призывы к насильственному изменению основ конституционного строя». Дополнительно вводилась и ст. 70 УК РСФСР «Призывы к совершению преступлений против государства». Отдельным особо опасным преступлением УК РСФСР признавал пропаганду войны (ст. 71 УК РСФСР).

Стоит отметить также и появление уголовного наказания за нарушение национального и расового равноправия (ст. 74 УК РСФСР). В данной статье по вполне понятным причинам идеологического характера не было упоминания о запрете на разжигание вражды по отношению к социальной группе. Также

[1] Уголовный кодекс РСФСР: С постатейными материалами. – М., 1987.

отсутствовало там упоминание и о религиозном равноправии. Но едва идеологическая составляющая начала изменяться, как Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 сентября 1989 г. ст. 74 УК РСФСР была расширена, и добавлено туда было именно упоминание о религии. В новой редакции данная статья стала звучать как «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии».

Уголовный кодекс 1996 г. изначально характеризовался снижением числа экстремистских деяний, представленных в главе преступления против государства. Можно вообще воспринять как общую черту стремление законодателя при создании Уголовного кодекса 1996 г. ввести особые виды «старых» преступлений и через это поменять их объект, что вело к уменьшению общей загруженности главы преступлений против государственной власти. Законодатель вводит новый состав преступления – «терроризм» (ст. 205 УК РФ), помещая его в разряд преступлений против общественной безопасности. Терроризм отделяется от террористического акта (277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля») и диверсии (ст. 281 УК РФ «Диверсия»). Здесь ведущим принципом разделения выступает цель.

Также преступлениями против общественной безопасности начинают считаться массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) и незаконные вооружённые формирования (ст. 208 УК РФ), которые опять же отделяются от близкого по смыслу деяния, регламентируемого статьёй 279 УК РФ «Вооружённый мятеж». Близость его становится очевидна в том случае, если мы признаём, что вооружённый мятеж может быть представлен как массовые беспорядки плюс организация незаконных вооружённых формирований.

Законодатель возвращался к разграничению, свойственному дореволюционному законодательству, измены как преступления против государства в пользу иного, внешнего субъекта и действий по захвату власти, осуществляемых внутренним субъектом, ответственность за что закреплялась в статьях 278 УК РФ «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти» и ст. 279 УК РФ «Вооружённый мятеж». Сохранялась уголовная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды по признакам пола, расы, религии, языка, происхождения, национальности, социального положения, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 280 УК РФ).

Однако изменения, внесённые в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом № 112–ФЗ от 25.07.2002 в связи с принятием Закона «О противодействии экстремистской деятельности»[1], существенно расширили категорию уголовных

[1] Федеральный закон О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» № 112 – ФЗ от 25.07.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 30. – 2002. – Ст. 3029.

преступлений против государственной власти. Ряд преступлений, которые традиционно относились к преступлениям против общественной безопасности, теперь при наличии мотива идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы считаются преступлениями против государства. Статья 282[1] УК РФ определяет круг таких преступлений. К ним относятся преступления, предусмотренные статьями 148, 149, частями первой и второй статьи 213, статьями 214, 243, 244 УК РФ, а именно воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий, воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетированию или участию в них, хулиганство, вандализм, уничтожение или повреждение памятников культуры, надругательства над телами умерших и местами их захоронения. Кроме того, в этой же статье законодатель вернулся к принципу уголовной наказуемости ряда преступлений против государства на стадии сговора. Более того, существенно расширялись параметры уголовной ответственности за агитационную деятельность. Если до 2002 года была установлена уголовная ответственность за публичные призывы к изменению основ конституционного строя (ст. 280 УК РФ), то внесённые ФЗ №112 от 25.07.2002 г. изменения устанавливают уголовную ответственность за призывы к экстремистской деятельности вообще.

Если же теперь аккумулировать все результаты, полученные в результате анализа истории правового регламентирования деяний, подпадающих под категорию экстремистские, то достаточно легко выделяется основание, общее для всей категории, – объектом этих деяний выступает государство. Произведя некоторую группировку, можно сказать, что экстремистские деяния:

1. Являются преступлениями против государства по действующему Уголовному кодексу. К таковым относятся насильственный захват или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).
2. Являлись преступлениями против государства в прошлом, а в действующем Уголовном кодексе поменяли объект направленности, но продолжают иметь аналоги в разделе преступлений против государства. К ним относятся терроризм (ст. 205 УК РФ, аналогами следует признать ст. 277 и 281 УК РФ), массовые беспорядки и незаконные вооруженные формирования (ст. 212 УК РФ и ст. 208 соответственно; аналог – ст. 279).
3. Признаны преступлениями против государства при наличии мотива идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, что закрепляется в ст. 282[1] УК РФ.

4. Являются либо неоконченными преступлениями против государства либо различными формами пособничества совершению преступлений против государства. При этом стоит отметить, что законодатель в статье 282^1 закрепил положение об уголовной наказуемости приготовления к совершению преступлений экстремистской направленности, что значительно сократило набор экстремистских деяний, не подлежащих уголовной ответственности.

Нетрудно заметить, что в результате проведённого анализа родовая характеристика юридической категории «экстремизм» становится гораздо более ясной. Под ней законодатель собирает в особую группу преступления против государственной власти. Их характерной чертой является то, что все они представляют собой преступления, совершаемые не в пользу какого-либо иностранного государства или иного внешнего субъекта. Это преступления, связанные с деятельностью внутригосударственных элементов, направленной на свержение власти или изменение её основ. Вполне возможно, что уже в недалеком будущем экстремистские преступления оформятся в отдельную главу в рамках общего уголовно-правового раздела преступлений против государства. Потенциал подобного новшества в сфере преступлений против государственной власти, безусловно, объект дальнейших дискуссий. Однако уже сегодня можно со всей очевидностью отметить, что введение подобной категории демонстрирует изменение характера угроз, стоящих перед государством, усиление давления на государственные структуры со стороны преступных элементов.

Библиография/References:

1. Ахметова Л.С., Веревкин А.В., Лифанова Т.Ю. Терроризм и экстремизм: история, теория и практика вопроса // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 12. – С. 94 – 95.

2. Пестрецов М.А., Ховавко С.М. История и причины возникновения экстремизма в России // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 9 (112). – С. 305–307.

3. Синцов Г.В., Первушкин А.В. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения // Вестник Пензенского государственного университета. – 2019. – № 1 (25). – С. 25–29.

4. Фуртат В.В. История экстремизма и ее отражение в понятийном аппарате // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 3. – С. 99 –104.

5. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Противодействие экстремизму и терроризму: история и современность // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2017. – Т. 2. – № 3. – С. 4 –12.

6. Backes U. Politische Extremismen – Begriffshistorische und Begriffssystematische Grundlagen // Gefährdungen der Freiheit. Extremistische Ideologien im Vergleich. – Göttingen, 2006.

7. Betz H. –G. Radical Right-Wing Populism in Western Europe. – Balingstoke, 1994.

8. Ermert M. Der Extremismus im Strafrecht. Eine Begriffskritische Analyse auf sozialwissenschaftlicher und Verfassungsrechtlicher Grundlage. – Herbolzheim, 2007.

9. Haydarzoda M.P. History of the extremism and its general legal concept // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2017. – № 1 (33). – С. 132 – 134.

10.Merari A. Academic Research and Government Policy on Terrorism // Terrorism and Public Policy. – L., 1991.

1. Akhmetova, L.S., Verevkin, A.V., Lifanova, T.Iu. (2011) Terrorizm i ekstremizm: istoriia, teoriia i praktika voprosa [Terrorism and extremism: history, theory and practice of the issue] // Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniia [International Journal of Experimental Education]. – № 12. – P. 94 – 95. (In Russ.)

2. Pestretsov, M.A., Khovavko, S.M. (2017) Istoriia i prichiny vozniknoveniia ekstremizma v Rossii [History and causes of extremism in Russia] // Evraziiskii iuridicheskii zhurnal [Eurasian Law Journal]. – № 9 (112). – P. 305 – 307. (In Russ.)

3. Sintsov, G.V., Pervushkin, A.V. (2019) Ekstremizm v Rossiiskoi imperii: prichiny zarozhdeniia [Extremism in the Russian Empire: reasons for its origin] // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Penza state university]. – № 1 (25). – P. 25-29. (In Russ.)

4. Furtat, V.V. (2019) Istoriia ekstremizma i ee otrazhenie v poniatiinom apparate [The history of extremism and its reflection in the conceptual apparatus] // Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii [Bulletin of the Russian Law Academy]. – № 3. – P. 99 – 104. (In Russ.)

5. Shalagin, A.E., Grebenkin, M.Iu. (2017) Protivodeistvie ekstremizmu i terrorizmu: istoriia i sovremennost' [Countering extremism and terrorism: history and modernity] // Uchenye zapiski Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii [Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. – T. 2. – № 3. – P. 4 – 12. (In Russ.)